

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

ДЕВЯТЫЙ КОНВОЙ

СЛАБЕЮЩИЙ ВРАГ
ГОТОВ НА ЛЮБУЮ ПОДЛОСТЬ

Донбасс

Александр Тамоников

Девятый конвой

«ЭКСМО»

2014

Тамоников А. А.

Девятый конвой / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2014 — (Донбасс)

Город Холмодол под Луганском контролируется ополченцами. Положение в населенном пункте тяжелое: постоянные артобстрелы, нехватка воды и продуктов питания. В городской больнице много раненых и тяжелобольных. Медикаментов нет – люди умирают. Российское правительство отправляет в Холмодол гуманитарный конвой с лекарствами и медицинским оборудованием. По дороге грузовики захватывает подразделение украинских нацистов. Машины минируют и отправляют к ополченцам, чтобы взорвать их на холмодолском блокпосте, а затем с минимальными потерями взять город. Группа российского спецназа под командованием майора Воронова срочно выдвигается к Холмодолу. Бойцам приказано отбить конвой и сорвать замыслы нацистов. Любой ценой...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
В тот же вечер, перед закатом, четыреста пятьдесят километров на запад	22
Глава 3	28
Получасом ранее	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Александрович Тамоников

Девятый конвой

*Все описанное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

© Тамоников А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Артиллерийский обстрел, самый массированный за всю неделю, начался в пятницу 15 августа. Северные предместья Холмодола накрыла серия мощных взрывов. Земля гудела и тряслась. Добрую половину города затянуло едким дымом.

С дальних позиций за угольным карьером работали гаубицы. Из северного пригорода ухали минометные батареи. Артиллерия украинских войск усердно обрабатывала те места, где не было никаких ополченцев.

Обрушилась стена профессионального лицея номер два. Снаряд пробил крышу детского сада, в котором, по счастью, в это время никого не было. Взрывы гремели на улице Лопухина, застроенной частными домами, кромсали их, выбивали асфальт из проезжей части, валили деревья и заборы. Отдельные снаряды долетали до центра. Один из них взорвался на территории первой городской больницы, повредил будку вахтера и машину «Скорой помощи».

Жуткий грохот продолжался не менее получаса. Артиллеристы изводили боезапас так щедро, словно получили приказ разровнять местность. Ничего удивительного в этом не было. Населенный пункт с названием Холмодол давно стал костью в горле украинских генералов, проводящих так называемую антитеррористическую операцию.

Этот крупный промышленный центр с населением более двухсот тысяч человек располагался в пятидесяти километрах северо-восточнее Луганска, на господствующих высотах и являлся важной стратегической точкой. С него открывалась прямая дорога на Луганск, обеспечивался полный контроль над окрестными поселениями.

К этому дню город был фактически окружен украинскими войсками. Только на востоке, в районе Ильичевки оставался узкий коридор, по которому командование ополченцев осуществляло снабжение частей и вывод мирных жителей. Тяжелые бои продолжались больше месяца, Холмодол жил под непрерывными бомбежками, превращался в город-призрак.

К середине августа большая часть населения его покинула, оставшиеся жители сидели в подвалах. Пополнение практически не поступало, тем не менее город держался, все атаки захлебывались. Въезды в Холмодол превращались в пашню, изрытую воронками, и кладбища искореженной техники. Из Киева один за другим летели истерические приказы: немедленно выбить террористов!

На данный момент в этом районе была сконцентрирована мощная группировка войск. В ее состав входили добровольческий батальон «Дайнар», полностью укомплектованный и подчиняющийся олигарху Грабовскому, два батальона аэромобильной бригады, потрепанная, но боеспособная механизированная бригада, десять установок «Град», два танковых батальона, авиагруппа из шести «Ми-24», четыре минометные батареи «ПМ-120», артиллерийский полк.

Этой армаде численностью в четыре тысячи штыков противостояли семь сотен ополченцев. Ими руководил Дмитрий Владимирович Шамахин, полковник запаса, бывший командир воздушно-десантного полка. Этот человек уже год находился, как говорится, на заслуженном отдыхе.

Артобстрел наконец-то оборвался, и на улице Конармейской объявились танки. Наступление развивалось как-то вяло. Стальные громадины встали у проходной кранового завода, произвели несколько выстрелов. Им ответила зенитка, выставленная на прямую наводку, и в тот же миг мощный джип, соединенный с лафетом стальными тягами, оттащил орудие в переулок. Взорвалась водонапорная колонка, снабжавшая питьевой водой целый квартал.

Над зданием цеха выросла фигура в камуфляже. Боец выпустил из «Шмеля» заряд, начиненный огневой смесью, и покатился по крыше. Башню «Т-64» охватило пламя. Водитель начал рывками сдавать машину назад. Развернулся ствол орудия соседнего танка, рывкнул

выстрел. В дыру, образовавшуюся в крыше, посыпались обломки шифера и кровельных конструкций.

Стрелок успел скатиться во внутренний двор, рухнул на груды матрасов и коробок. Его подхватил товарищ, помог подняться и поволок к утопленному проходу в подвал. За их спинами взорвались две мины, но ополченцы уже скатились вниз.

– Офигеть, Серега, по краю ходим! – Стрелок задыхался от нервного смеха и выплевывал цементную крошку. – Даже не знаю, попаду ли в рай.

– Не парься, приятель, – отозвался его товарищ. – После смерти все мы попадем в одно и то же место. Там-то их и добьем!

Танки отошли к началу улицы Конармейской. Там члены экипажа сбили пламя с машины. Башня получила повреждения, но танк оставался на ходу.

Позиции, оставленные правительственными войсками, занимали ополченцы. Они выби-
рались из подвалов и сараев, перебежали, пригнувшись. Кто-то напевал на мотив советского «Гимна авиаторов»: «Маразм крепчал, и танки наши гнулись». Складывалось ощущение, что в последний рабочий день недели карателям почему-то не хочется идти в атаку.

Командир второго отряда Юрий Коржин, бывший афганец, обладатель позывного «Колдун», озабоченно докладывал в штаб:

– Укропы что-то затеяли! Это явно отвлекающий маневр...

В тот же миг массированному обстрелу подверглась Ильичевка, восточный пригород Холмодела! Замысел врага стал понятен – захватить поселок и полностью перекрыть коридор, связывающий Холмодел с внешним миром.

Карательный батальон «Дайнар» пошел на приступ в полном составе, при поддержке танковой роты, подразделения национальной гвардии, минометного взвода, окопавшегося в Заячьей балке за околицей. Мощные взрывы накрыли поселок, территорию завода углебогатительного оборудования, единственного крупного предприятия в Ильичевке. В небе барражировали «крокодилы» – ударные вертолеты «Ми-24», вели плотный огонь из пушек и четырехствольных пулеметов.

За несколько минут были подавлены основные огневые точки ополченцев – две самоходные гаубицы «Гвоздика», выведены из строя несколько минометов, грузовик для перевозки личного состава. Ильичевку держали три взвода, около сотни ополченцев под командованием бывшего капитана-десантника Андрея Светлова с позывным «Третий». Обстрел застал его на позиции, в окопе вблизи здания поселковой администрации.

Несколько снарядов разорвались на площади, между заводским забором, зданием администрации и шлакоблочной жилой трехэтажкой. Бойцов засыпало землей. Чертыхаясь, они прыгали в окопы второй линии обороны, разбежались, занимали позиции. Кто-то сетовал посаженным голосом, что эти чертовы нацгады даже покурить не дают.

С водонапорной башни скатился молодой боец с протертыми до дыр коленками и засеменил к окопу, придерживая приклад «АК-74», стучащий по бедру.

– Андрей Иванович, они уже в поселке! – выкрикнул он. – Тьма их! Танки давятся, проехать не могут по Овражной. Кажется, обходят Жигулина с востока – там жуткая пальба стоит. Это «Дайнар», Андрей Иванович, экипированы хорошо, прямо как... – Договорить боец не успел, свалился в окоп, бледный как призрак, зажимая уши.

Снаряд у него за спиной вцепился в водонапорную башню и отколол от нее весьма увесистый кусок.

Андрей Светлов, жилистый мужчина с загоревшим на солнце лицом, уже отдавал распоряжения по рации. Первому взводу он приказал занять вторую линию обороны, двум отделениям второго – выдвинуться на восточный фланг, третьему – на западный.

Жигулин, бывший мастер спорта по дзюдо и главный тренер городской юношеской команды, как ни странно, вышел на связь. Он спокойным голосом под грохот разрывов докла-

дывал, что бойцы третьего взвода еще держатся. Но единственный танк «Т-72» подбит, вытащить экипаж нет возможности. Из трех ручных пулеметов Калашникова в рабочем состоянии остался лишь один.

– Я уже потерял больше десятка бойцов. Есть идеи, Андрей Иванович? В принципе, укры тоже несут потери. Их бронетранспортер ювелирно точно наехал на противотанковую мину и теперь весело догорает. Экипаж и десант превращаются в бифштекс средней степени прожарки. Мы можем, конечно, стоять насмерть, был бы приказ, вот только ребят по-человечески жалко.

– Жигулин, отходите на вторую линию обороны! – крикнул в рацию Светлов. – Уводи людей!

Противник давил числом и уже замыкал кольцо вокруг многострадальной Ильичевки. Он теснил ополченцев к центральной площади. В населенный пункт под прикрытием дымовой завесы входили танки и бронетранспортеры, за ними прятались пехотинцы, увешанные оружием и снаряжением.

Солдаты вламывались на частные подворья, расстреливали окна, забрасывали гранатами подвалы, не особо утруждаясь предварительной оценкой их содержимого. Несколько танков вырвались вперед, на большой скорости пошли к зданию администрации. Они давили поваленные деревья и легковушки, изуродованные взрывами.

Противотанковая граната, посланная умелой рукой, взорвалась под днищем. Танк завертелся, сбрасывая гусеницы, и встал так, что перегородил проезд. Пехотинцы в матово поблескивающих шлемах, бегущие за ним, попали под шквальный огонь. Они падали как подкошенные, уцелевшие расплзались по водосточным канавам.

Танки остановились, открыли беглый огонь вдоль улицы. Разлетелся в щепки бревенчатый дом. Развалился по кирпичикам соседний, только что производивший впечатление добротного коттеджа. Над поселком воцарился адский грохот, лязгало железо, стонали раненые.

Атака продолжалась, танки выходили к зданию автостанции, в котором зияла огромная дыра. Все пространство у терминалов было завалено обломками. Догорали автобусы. У распахнутых дверей лежала мертвая женщина средних лет.

Батальон «Дайнар» успешно развивал наступление, уже выходил к заводу и истерзанному скверу, за которым стояло здание поселковой администрации. Подошли грузовики. Солдаты лихорадочно устанавливали массивные двадцатимиллиметровые минометы, подводили треноги, разворачивали стволы. Через несколько минут весь центр поселка накрыла волна разрывов. Мины рвали землю, ломали деревья. Ударная волна разбрасывала мешки с песком, наваленные ополченцами в качестве брустверов.

– Держимся, мужики! – кричал Светлов, срывая голос. – Рассредоточиться!

За деревьями мелькали фигуры ополченцев Жигулина. Бойцы отступали, огрызаясь из автоматов. Они перебежали, падали, закрывая головы, когда поблизости рвались мины. Троим не повезло. Снаряд взорвался в метре от них. Растерзанные тела разлетелись по окрестным кустам.

Ополченцы, сидевшие в окопах, надрывали глотки, но огонь пока не вели, боялись зацепить своих. Не все бойцы добежали до второй линии, многие погибли. Автоматная очередь достала и самого Жигулина, отступающего последним. Крепкий мужик схватился за дерево и сполз на землю.

Капитан Светлов скрипел зубами. Буквально каждый день в мир иной отправлялись его товарищи. Война-злодейка не щадила никого. Он передернул затвор, припал к прицелу.

Тут за бруствер перекатился один из подчиненных Жигулина, молодой веснушчатый парнишка. Он лежал, тяжело дышал и молитвенно тарачился в небо.

– Что, дружок, в штанах тепло стало? – спокойно осведомился Светлов, оторвался от прицела и усмехнулся.

– А? Что? – Ополченец опомнился, завозился. – Ага, Андрей Иванович, струхнул трошки, вся жизнь перед глазами пролетела. Ничего, сейчас мы им покажем, где раки зимуют! Наглядно, блин, продемонстрируем! – Парнишка начал гнеститься за мешками, бормоча под нос что-то злобное.

Дьявол! Светлов вдруг увидел, что в жилых домах по соседству с администрацией еще оставались гражданские! С ума сошли?! Никакая сила не может заставить людей покинуть родные дома, пока гром не грянет?

Из подъезда выбегали люди с сумками, наспех одетые, с объятymi страхом лицами. Пенсионеры, хромой мужчина, весь в наколках и с пропитой физиономией, несколько подростков. Молодая женщина с черными волосами прижимала к груди кричащего карапуза. У соседнего подъезда прогремел взрыв, обваливший часть стены. Далеко, никого не задело. Но люди метались, упала пожилая женщина, подвернув ногу. Седовласый мужчина, вероятно муж, пытался ей помочь.

– Бурденко, бери двух бойцов, уводи гражданских! – прокричал Светлов.

Из-за бруствера выкатился бородач с подбитым глазом, махнул кому-то, пригнулся и побежал к дому. Он что-то орал, направляя гражданских в нужную сторону, отобрал у женщины ребенка, а когда та бросилась на него с кулаками, так на нее цыкнул, что та присела. Минометный обстрел пошел на спад и вскоре прекратился. Из соседних зданий выбирались люди, семенили за группой, которую уводили ополченцы.

– Сынки, что же это делается? – бормотала колченогая старушка, вцепившись в рукав смертельно бледного бойца. – Когда же это кончится?

Внезапно обстрел оборвался, настала хрупкая тишина. Ополченцы тоже взяли паузу.

– Ну и все! – обреченно заявил веснушчатый ополченец. – Пошла царица полей. Вот черт!.. – Он надрывно закашлялся, смущенно покосился на Светлова и пояснил: – Нездоровится мне, Андрей Иванович.

– Ты уж потерпи. – Капитан усмехнулся. – Бюллетени доктора после боя выдадут. Без команды не стрелять! – приказал он.

За деревьями изуродованного сквера уже мелькали фигуры в защитном облачении стандарта НАТО. Добровольцы батальона «Дайнар» шли в атаку! Их действительно экипировали по последнему слову – бронежилеты, камуфляж с иголки, элегантные каски... российские автоматы! Они бежали в полный рост и что-то орали. Мелькали лица, сведенные судорогой.

Молодые, натренированные, убежденные в своей правоте, до мозга костей преданные хозяину и ненавидящие все русское! Это были не дохлые «среднестатистические» военнослужащие, предпочитающие стрелять из орудий, избегающие прямого контакта с ополчением. Противник достойный и страшный! Они уже переходили на бег, стреляли, не останавливаясь.

– Ватники, сдавайтесь! – выкрикнул кто-то.

– Хлопцы, они же пьяные в дымину! – заявил кто-то из ополченцев. – Им там наркомовские, что ли, выдают? А у нас сухой закон, мать его!..

– А что, красиво идут, – невозмутимо прокомментировал другой. – В натуре, фрицы, та еще порода. Попортим им мундиры, командир?

Светлов с удовлетворением отмечал, что бойцы не дрогнули, никто не отползал с позиций. Все лежали как приклеенные, только зубы у некоторых стучали от страха. Но без страха в такой ситуации только безумец сможет обойтись.

– Так что, хлопцы, проведем урок мужества? – прокричал Светлов. – Нанесем фрицам поражение в живой силе и технике? Поехали, смерть укропам!

– Смерть! – нестройно заревели луженые глотки.

И воцарился ад! Ополченцы самозабвенно изводили боезапас, из укрытий швыряли гранаты, лишь небольшая часть которых долетала до противника. Дайнаровцы не ожидали столь

яростного сопротивления, не меньше десятка подставились под первый же залп. Орала раненые, брызгала кровь. Несколько человек тряслись в конвульсиях.

Но задние напирала на передних. До цепочки ополченцев оставалось несколько десятков метров. Добровольцы бежали, не считаясь с потерями. Они не оставили ополченцам пространства для маневра. Ну что ж, пусть будет так!

– За мной, мужики! – взревел Светлов, выпрыгивая из-за бруствера.

Навстречу дайнарцам покатила волна ополченцев – несколько десятков решительно настроенных мужчин. Самое время размять кулаки и прочие части тела! Пристегнуть штывки добровольцы не успели, они не ожидали такого вот отступления от правил ведения современной войны. Мелькали растерянные лица, кто-то дрогнул, попятился.словно вал цунами смял первые ряды.

Пальба поутихла, теперь хлопала лишь отдельные выстрелы. Бились смертным боем – кулаками, прикладами, ножами. Лопались черепа, лилась кровь.

Кто-то из ополченцев швырнул гранату «Ф-1» через головы. Она рванула в задних рядах украинского воинства, что не добавило энтузиазма атакующим. В рукопашной схватке они были слабоваты, отступали, пытались вести огонь на ближней дистанции.

Светлов послал приклад в матово блестящую каску, мельтешащую перед глазами. Боец свалился, успев обдать противника алкогольными парами. Капитан рухнул на колени, когда наперерез ему бросился другой, ударил штык-ножом в бок, не защищенный бронежилетом. Дайнаронец взвизгнул, закатил глаза. Когда капитан выдержнул лезвие, он словно подавился.

Добровольцы убежали, бросая оружие, не выдерживали натиска осатаневших мужиков. Ополченцы с хохотом хватались за автоматы, стреляли им в спины.

Рано радовались! Разлетелась в щепки бетонная секция заводского забора. Два снаряда разорвались на втором этаже поселковой администрации, вызвав обрушение кровли. Противник теперь наступал с фланга, через жилые строения. Ополченцы, матерясь, бежали в укрытия.

Светлов скорчился в траншее, схватился за рацию.

– Первый, это Третий! – хрипел он, прорываясь сквозь частокол помех. – Противник выдавливает нас из Ильичевки, нечем держаться.

Взрыв прогремел совсем рядом. Заложило уши, капитана засыпало землей. Сдавленно был смертельно раненный конопатый паренек. Осколок снаряда разворотил ему живот. Капитан оставался в сознании, но ощущение реальности покачнулось.

– Отступаем, пробиваемся к югу! – выкрикнул Светлов.

Он не имел права жертвовать своими парнями – их и так осталось с гулькин нос. Перед глазами все плыло, но капитан держался. Танки подходили со стороны завода, выбирались из переулка, стреляли прямой наводкой.

Ополченцы отходили по жилому кварталу, застроенному трехэтажными домами. Оказывать сопротивление было нечем. Люди рассеялись, многие погибли. Единственная самоходная установка была разбита. Но и из квартала на них уже давили. Враг полностью замкнул кольцо вокруг Ильичевки.

Полтора десятка бойцов кинулись обратно, отстреливаясь последними патронами. Их заперли в жилом доме, выходящем на площадь перед администрацией. Из здания, подвергнутого перекрестному обстрелу, доносились крики. Там еще оставались мирные жители! Занимать круговую оборону было негде. Обессиленные, обливающиеся кровью ополченцы просачивались в здание, готовились отстреливаться.

На площадь выехал БТР, за ним кралась пехотинцы. Ударил крупнокалиберный пулемет, установленный в башне, и из оконных переплетов посыпались последние стекла. Надрывно закричала женщина – ее раздавило рухнувшей стеной.

И вдруг ожил пулеметчик на полуразрушенной водонапорной башне! Он бил без пауз, стремился максимально выработать боезапас, пока его не достанут окончательно. Добро-

вольцы, державшиеся за транспортером, были у него как на ладони. Пули хлестали по броне, попадали в самую гущу этого пушечного мяса, рвали не очень качественные бронезилеты. Отделение солдат было выбито в считанные мгновения. На земле осталась кучка тел в форме защитного цвета. Некоторые еще шевелились.

Водитель БТРа сдуру выжал заднюю скорость, принялся давить живых сослуживцев. Опомнились танкисты, со скрипом развернулась башня, гавкнуло орудийное жерло. В верхней части водонапорной башни прогремел взрыв, на землю посыпались обломки кладки. Пулеметчик замолчал.

Ополченцы продолжали отстреливаться с первого этажа, крыли матом проклятых фашистов, били одиночными, прицельно. Добровольцы на смерть больше не лезли, подходили под прикрытием бронетехники. Пулеметы транспортеров поливали здание свинцом, снаряды танковых орудий вырывали из него целые куски.

Через четверть часа сопротивляться было уже некому. Дом превратился в руины. Площадь наполнялась солдатами украинской армии. Небольшой поселок к востоку от Холмодела полностью перешел под контроль силовиков. Каратели прочесывали Ильичевку, временами раздавались одиночные выстрелы, взрывались гранаты, которыми солдаты забрасывали подвалы и прочие труднодоступные уголки. Цепочка добровольцев окружила примолкшие развалины.

– Выходите! – прокричал здоровяк-сержант. – А то я вас гранатами!..

Бледные, окровавленные ополченцы выбирались на поверхность, выбрасывали пустые автоматы, презрительно шурились на солдат. А те злорадно ухмылялись, держали пальцы на спусковых крючках. Раненых, не способных передвигаться, хватали за шиворот, пинками отправляли на пустырь.

– Проще пана! – Сухой, как хворостина, солдат с водянистыми глазами сделал приглашающий жест.

Светлов, держась за стену, вышел из подвала. Его лицо было залито кровью. Он попал под обвал, кирпич ударил в незащищенную голову. Оборванный камуфляж висел клочьями. Сердце капитана сжалось – погубил ребят, не смог удержать Ильичевку! Собственная судьба ему была безразлична. Рядом стояли в понурых позах его товарищи, у многих на глаза наворачивались слезы.

Он безразлично покосился на худого вояку. Наемникам из Польши, воюющим на стороне Киева, никто не удивлялся. Светлов в прошлом месяце пристрелил двоих. Но были и поляки, сражающиеся на стороне ополченцев. Капитан знал нескольких, относился к ним настороженно, но видел, что воевали парни исправно – не за деньги, а за идею, в которой Светлов, хоть тресни, ничего не понимал.

Выживших ополченцев прикладами сгоняли на площадь, к ним же отправляли напуганных мирных жителей, извлеченных из подвала. Автоматчики окружили горстку пленных, выстраивали их в шеренгу, злорадствовали.

На площадь въехал пыльный джип в сопровождении пикапа, набитого вооруженной публикой. Из машины высадились рослый сутулый полковник с постным лицом и статный, хотя и немолодой субъект в камуфляже без знаков различия. Его нижнюю челюсть украшал хорошо заметный шрам.

При них был еще один тип, от которого за версту несло чем-то нездешним. На нем отглаженная форма с преобладанием серых тонов, надраенные армейские ботинки. Этот господин с короткой стрижкой на первый взгляд не носил при себе оружия – в отличие от остальных, имевших пистолеты. Он настороженно озирался по сторонам, что-то бросил на английском языке человеку со шрамом. Тот понял, о чем речь, сдержанно кивнул.

«Инструктор НАТО, – безошибочно определил Светлов. – Этой нечисти тоже стало как грязи. Должен же кто-то учить украинскую армию воевать?»

Человек со шрамом был ему незнаком, но, похоже, пользовался влиянием. Сутулого полковника он знал – командир «Дайнара» Михай Бутко, уроженец Волыни, жесткий человек, когда-то руководивший милицейским спецназом на своей родине. К нему подбежал офицер, вытянулся, старательно отдал честь, что-то бегло доложил. Полковник вальяжно выслушал его, кивнул, затем посмотрел на пленных, криво ухмыльнулся, что-то бросил подчиненному.

Светлов глубоко вздохнул, закрыл глаза. Согласно многочисленным свидетельствам, полковник Бутко пленных не брал.

Приближаться эта троица не стала, увлеклась разговором с командиром танковой роты. Натовский инструктор что-то спрашивал, человек со шрамом переводил, хотя определенно не был профессионалом по этой части.

– Красавцы! – с ухмылкой сказал сержант, озирая насупленных ополченцев. – Навоевались, террористы? Ну и все, хватит...

– Сам ты террорист, – проворчал хмурый ополченец с подбитым глазом.

– Что я слышу?! – удивился сержант, вкрадчивой поступью направился к тому человеку, который бросил эту реплику, остановился, не без удовольствия обозрел понурую фигуру. – А чего это мы в печали, боец, а? Настроение паскудное? День недостаточно солнечный? – Он заржал вместе со своими подчиненными, оттянул руку и смачно ударил ополченца по затылку.

Пленник в долгу не остался, плюнул сержанту в лицо. Тот отпрыгнул, его физиономия исказилась яростью. Он вскинул автомат и пробил ополченца короткой очередью. Бедняга вздрогнул и повалился в пыль. Загоготали каратели, которым очень понравилась такая вот сценка.

– Чего гогочете, придурки? – злобно проворчал сержант, утерся рукавом и принялся исподлобья озирать шеренгу безоружных людей. – Есть еще желающие отличиться?

– Что, хлопцы, вас уже освободили от уголовной ответственности? – процедил сквозь зубы Светлов.

– Ой, да кто бы говорил! – Сержант снова засмеялся и приблизился к очередной жертве, спокойно смотревшей ему в глаза. – Представьтесь, уважаемый. – Вы, кстати, не так уж не правы. Вот стою я перед вами, ватник драный, сепар непуганый, и чувствую себя немного богом! – Он чуть не смазал капитану по лицу, но сдержался, решил растянуть удовольствие. – Представьтесь, если вам не трудно.

– Да я же знаю его! – внезапно радушно сообщил военный со знаками различия старшего лейтенанта и засученными рукавами.

Он держался самоуверенно, хлопнул Светлова по плечу с такой силой, что тот чуть не упал.

– Андрюха! Светлов! Сколько лет, сколько зим! Ты как? Не узнаешь, что ли? Я Антоха Черненко, мы вместе учились в Днепровске. Помнишь, друзьями были неразлейвода? Ты у меня еще подружку увел – поматросил девчонку и бросил. Сколько же мы с тобой горилки выпили в самоволках! Я после окончания в Карпаты уехал танковой ротой рулить, а ты в Россию подался. Жил у тебя там кто-то, то ли мамка, то ли тетка.

– Помню тебя, Антоха, – буркнул Светлов. – Не поверишь, чертовски рад видеть.

– И я! – Черненко захохотал и заявил: – Прикинь, как интересно судьба распорядилась – ты за плохишей воюешь, а я за кибильчишей.

– Российский офицер? – спросил еще один военный с выправкой кадровика. – Похоже, в российской армии появился новый род войск – ополчение Донбасса?

– Террористы Донбасса, – поправил Черненко, подмигнул Светлову и заявил: – А ты молодец, дружан! Очень даже неплохо воюешь. Смотри-ка, сколько наших положил!

Ополченцы злобно пыхтели, Светлов до боли сжимал зубы. Коронная фишка украинских вояк, особенно западнцев – измываться над безоружными. Сначала глумятся, потом бьют до потери пульса, пытаются, мучают, а затем пускают в расход.

Военные выгоняли из подвала спрятавшихся гражданских – супружескую пару средних лет, подслеповато щурящегося одорукого старика, перепуганного подростка. Тот кинулся бежать, но боец «Дайнара» с возгласом вратаря, поймавшего мяч, выставил ногу, и мальчишка покатился и заорал от боли. Он, похоже, сломал лодыжку. Его схватили за шиворот и швырнули в общую кучу.

Приятное оживление вызвало появление из подвала молодой девушки с широкими бедрами. Она была в испачканном сарафане и кофточке, наброшенной на плечи. Здоровенный детина под дружное улюлюканье выволок ее на улицу. Девушка кричала от страха. Вояка схватил ее за талию, закружил в диковатом вальсе. Несчастливая брыкалась, теряла сознание от ужаса.

– Что, Мыкола, годится до харчей?

Солдаты хохотали. Кто-то находчивый снимал происходящее на телефон.

– Ага, сейчас будем красиво раздеваться! – заявил детина. – Эй, милая, мы, конечно, дико извиняемся.

Мужчина со шрамом, стоящий в отдалении, сделал нетерпеливый жест. Досадливо поморщился натовский инструктор, наблюдая, как молодые ублюдки глумятся над женщиной.

– Расстрелять! – рявкнул комбат.

Младшие по чину оживились, посыпались команды. Ополченцев и гражданских погнали с площади. Истошно голосила женщина средних лет. Муж обнял ее, пытался успокоить. Зароптали ополченцы, кто-то собрался вырваться, но получил прикладом, схватился за голову. Автоматчики зубоскалили, обращались с людьми, как со скотом.

Дорога оказалась не длинной – сквозь пролом на заводскую территорию. Там зияла огромная воронка, результат взрыва авиационной бомбы. Обреченных подгоняли к обрыву. Уже никто не сопротивлялся. Глупо делать это, когда на тебя направлено полтора десятка стволов. Плакали мирные жители, не способные получить ответ на простой вопрос: за что?! Окаменела девушка в испачканном сарафане, всхлипывал паренек.

– Не стреляйте. Что мы вам сделали? – умоляла супружеская чета.

Отделение солдат уже клацало затворами. В глазах карателей не было даже проблеска жалости или нежелания выполнять приказ. В них горел возбужденный, безумный огонь.

– Мы тоже дико перед всеми извиняемся! – добродушно вещал Черненко. – Но судьба есть судьба. Ста-ановись!

– Андрей Иванович, они что, кончат нас собрались? – Безусый паренек с вздыбленными волосами pokrылся смертельной бледностью. – Вот же ешкин пес!..

– Они же фашисты, им раз плюнуть, – презрительно процедил командир третьего взвода Бондаренко. – Бульдозер подгонят, воронку засыпят, потомки когда-нибудь найдут.

– Антоха, так вы что, просто так нас кончите? – спокойно спросил Светлов.

– А что, романс спеть? – удивился бывший приятель. – Уж извини, дружище, пленных не брать – таков приказ комбата.

– А мирных за что? – Светлов покосился на потрясенных штатских, которые до сих пор не могли поверить в то, что происходило прямо здесь и сейчас. – Вы же освободить их пришли – так ваш телевизор брешет.

– Этих за компанию. – Черненко рассмеялся. – Пособники они, а значит, такие же террористы. Что тут непонятного? Нормальные люди давно от вас сбежали, а эту сволоту несколько не жалко. Бойцы, готовьсь!

Заплакал молодой ополченец. Это было не то, ради чего он пошел воевать. Ноги у него подкосились, он упал на колени.

Его подхватил бородатый боец с порванной щекой, но уже забились, затряслись «АК-74», выплевывая свинец. Люди катились по склону воронки, нашпигованные пулями. Словно ураганом всех смело. Только парнишка со сломанной ногой упал на край воронки. Палачам при-

шло ногами сталкивать его в общую кучу. Посмеиваясь, каратели забрасывали автоматы за плечи. Кто-то закурил, кто-то решил полюбопытствовать и приблизился к обрыву.

Взрыв прогремел на краю воронки! Любопытного бойца буквально порвало на куски. Остальные не успели опомниться. Заряд, выпущенный из одноразового гранатомета, разметал их как щепки. Разгорелась автоматная стрельба. Одного из офицеров убило на месте.

Знакомец Светлова сделал прыжок на рекордную дальность и помчался к пролому в заборе, петляя как заяц. Но прыть его не спасла. Грохнула короткая очередь, офицер споткнулся и повалился на арматуру, торчащую из бетона.

В поселке, только что захваченном карателями, разразилась очередная огненная феерия! Стреляли автоматы, гремели взрывы. Экипажи танков не успели добежать до своих боевых машин. Всю компанию посекло осколками. На площади перед зданием администрации разрывались гранаты.

Натовский инструктор оттолкнул человека со шрамом и первым запрыгнул в джип. Его спутник тоже не стал задерживаться, полез следом. Неуклюже вскарабкался на пассажирское сиденье комбат Бутко.

Джип помчался к переулку на северной стороне площади. Пикап сопровождения пристроился сзади, но земля под колесами вдруг разверзлась. Машина вздыбилась, и все охранники, сидящие в кузове, посыпались из него как горох.

Добровольцы «Дайнара» в панике покидали площадь. Раненые пытались ползти.

А с юга уже бежали очень злые люди в камуфляже с георгиевскими ленточками на рукавах, стреляли на ходу, кричали, матерились. Кто-то в кроссовках, кто-то в «пиратских» косынках.

Сигнал из Ильичевки, отправленный Светловым, дошел до адресата. Из Холмодела в спешном порядке выдвинулся личный резерв полковника Шамахина. Сотня отборных бойцов со стрелковым оружием и гранатометами – отличное средство для затыкания дыр. С высоты Каур-Кургана по Ильичевке ударил взвод САУ «Гвоздика» под командованием капитана Шестакова.

Ополченцы ворвались в поселок, смяли оцепление и устремились к центру. Контрнаступление развивалось стремительно, за несколько минут солдаты Новороссии отбили значительную часть Ильичевки, подорвали два БТРа. Противник бежал, бросая оружие и технику.

Мобильные группы Шамахина на быстроходных джипах заходили во фланги и в тыл неприятелю, отсекали тяжелую технику, застрявшую за околицей. Пылали грузовики и танки, уцелевшие превращались в трофеи. Добровольцы «Дайнара» спасались бегством в чистом поле, им вдогонку летели гранаты и матерщина. Ополченцы занимали утерянные позиции, разворачивали технику, только что добытую в бою.

Командующий обороной Холмодела полковник Шамахин сам был с этой группой. Мужчина основательно за сорок, плотно сбитый, с блестящими сединами в жестких волосах прыгнул с подножки джипа, окинул округу суровым взглядом. На площади перед сельсоветом было тесно от мертвых и раненых. Он пошел к пролому в заборе, за ним устремились подчиненные. Трупы украинских солдат никого не волновали.

Ополченцы столпились у воронки. Внизу лежали тела расстрелянных. Все в одной куче – бойцы, мирные люди. Чудо! Двое или трое шевелились, стонали! Подавала признаки жизни молодая женщина, которую только присутствие начальства спасло от изнасилования. Кряхтел, держась за пробитый бок, молодой ополченец.

– Андрей Иванович, живой! – ахнул Шамахин. – Мужики, вытаскивайте их, да осторожно!

Ополченцы уже съезжали в воронку, волоча за собой глиняную осыпь. Двое бросились к Светлову. Грудь капитана была пробита, но, видимо, важных органов пуля не задела. Он полз,

ломаю ногти о твердую глину, и даже матерился, а когда его подняли на поверхность, пустил скупую мужскую слезу.

– Прости, Дмитрий Владимирович! – прохрипел Светлов, когда его пристраивали на волокушу, наскоро сделанную из связанных штормовок. – Виноват я, не смог удержать Ильичевку, людей потерял, в плен попал.

– Забей, Андрей Иванович! – проговорил полковник, помогая ополченцам вытаскивать раненого. – Вы тут как триста спартанцев – с такой армадой схватились. Герои твои парни, да и ты сам, Андрей Иванович. И вообще помолчи, не зли меня!

Машины с минометами выдвигались на северную окраину Ильичевки. Бойцы маскировали вооружение, зарывались в землю. Прогрохотали по разбитой дороге две установки залпового огня «Град». На обломках водонапорной башни снова занял позицию пулеметчик.

Ополченцы, взбешенные гибелью товарищей, гнали к башне карателей, недобитых в бою. Их было немного – часть бойцов «Дайнара» полегла, другим удалось вырваться. Пленных набралось человек двенадцать. Конвоиры заставили их раздеться. Босые, в одном исподнем, до смерти перепуганные, они жались друг к другу. Лишь некоторым удавалось сохранять самообладание, но и их трясло.

– Проше пана, не забивайте! – умолял, глотая слова, тощий наемник. – Я за покой, мир...

– А это что за судак по-польски? – процедил сквозь зубы подтянутый ополченец. – Чего он там бормочет?

– Знамо чего, – просветил продвинутый в языках сослуживец. – Просит не убивать, за мир он типа.

– Так и мы за мир, – удивился первый. – Какое совпадение взглядов. Вот же сука наемная, даже спрашивать не хочется, сколько ему Грабовский платит. – Ополченец вскинул автомат, положил указательный палец на спусковой крючок.

Благородный шляхтич жалобно завыл, опустил на колени. Ополченец брезгливо сморщился и с выстрелом не спешил. В нем боролись две полярные сущности.

– Что, Мишаня, совесть удерживает от правильного поступка? – Его сослуживец усмехнулся, вскинул автомат и выстрелил специально мимо цели.

Наемник издал звук, во всем мире считающийся неприличным, закатил глаза, потом вернулся на место. Его трясло как лихорадочного, с плешивой макушки стекал жирный пот.

– Другое дело, – засмеялся ополченец. – Первый акт справедливости. Не обольщайся, приятель, это ненадолго.

– Вставайте, уроды, пришел ваш час! – взревел бородатый ополченец, похожий на лешего.

Пленные завозились, стали прятаться друг за друга, просили не убивать. Кто-то ныл, что их насильно отправили на войну, другой божился и клялся, что лично никого не убивал. Он вообще автомат сегодня увидел впервые в жизни.

– Да заткнитесь вы, уроды трусливые! – резко бросил товарищам рослый светловолосый боец из числа идейных. – Чего вы тут разнылись как бабы? Пусть убивают, видят, что мы их не боимся.

– Все, отставить, хлопцы! – бросил Шамахин, подойдя. – Мы не такие, как они. Грузите всю гоп-компанию в фургон – и в Холмодол, на Скоропадского. Будем судить – мы же цивилизованные люди. Косых, Лупенко! – прокричал он в рацию. – Собирайте людей, все на позиции! Или вы еще не в курсе, что сейчас вас утюжить будут?!

Глава 2

Ильичевку, важную в стратегическом отношении, ополченцам удалось отбить, но ситуация вокруг Холмодола складывалась отчаянная. Через два часа украинские войска снова пошли на штурм истерзанного поселка. Видно, кто-то в руководстве АТО, не приученный думать, решил забрать его любой ценой. Потрепанные подразделения «Дайнара», усиленные национальной гвардией, подошли на триста метров, стали окапываться.

Поселок подвергся массированному удару ракетных систем залпового огня «Ураган». Плотный дым завис над домами. Разлетались в щепки частные строения. Целые улицы превращались в выжженные руины. Взорвался подземный склад горюче-смазочных материалов на южной окраине. Прямое попадание снаряда пробило его крышу. Пламя охватило близлежащие строения.

Защитники Ильичевки пока помалкивали. Технику они худо-бедно замаскировали, личный состав закопался в землю. Казалось, в округе не осталось никого живого.

Но только через поле двинулись танки, а за ними пристроились группы пехотинцев, как околица отозвалась дружным огнем. С западной оконечности Холмодола, поддерживая обороняющихся, ударили «Грады» и били, не переставая, в течение нескольких минут. Корректировщики потрудились на совесть. Позиции атакующих батальонов накрыла завеса разрывов. Горели танки, БТРы, между ними в дыму метались солдаты.

Наступление теряло смысл, хотя руководство силовой операции и требовало взять Ильичевку, не считаясь с потерями. Уцелевшая техника спешно разворачивалась и покидала зону обстрела. Пехота тоже спасалась бегством.

Ближе к вечеру полковник Шамахин провел расширенное совещание с командирами подразделений. Штаб обороны располагался в глубине квартала за Звездной площадью, в так называемом тихом центре Холмодола. Здесь уцелели несколько панельных пятиэтажек, хотя во многих из них и зияли дыры.

Штаб был оборудован в технических помещениях подземного гаража, вырытого несколько лет назад по заказу мэрии. Он надежно охранялся, имел несколько выходов. Ни одна из попыток его разбомбить не увенчалась успехом. Электричество в осажденном городе включалось редко. Освещение поступало от дизельного генератора, работающего в режиме строгой экономии.

Дмитрий Владимирович угрюмо посмотрел в серые от усталости лица подчиненных. Они забыли, что такое сон, ели на бегу, отдыхали стоя, почти перестали бриться и заниматься личной гигиеной.

Докладывал начальник штаба майор Волошенко. Он был заместителем директора «Холмодолэнерго», четыре года воевал в Афганистане, сменил офицерские погоны на костюм большого босса, но в душе навсегда остался русским солдатом. Майор сообщил, что все подразделения приведены в порядок, занимают позиции и в любой момент готовы отразить нападение. С боевым духом все в порядке – маргиналы и случайные люди давно покинули ряды ополчения.

Появилась хорошая новость. Два часа назад по коридору, удерживаемому в районе Ильичевки, в город прибыло из Луганска небольшое подкрепление – сорок ополченцев под командованием лейтенанта Шубина. У них стрелковое оружие, два грузовика «ГАЗ-66», несколько полковых минометов, пара комплектов переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла» и одна чудовищно старая, но исправная «Стрела 2-М». Бойцы рассредоточены по подразделениям и вливаются в коллективы.

– На этом хорошие новости исчерпываются. – Майор устало махнул рукой. – Теперь послушаем командиров подразделений.

Выступил раненный в руку командир второго отряда Юрий Коржин, бывший спецназовец, успевший повоевать в Ираке в составе украинских миротворцев, но так и не принявший душой незалежную. Описали обстановку спокойный и рассудительный Борисов из четвертого отряда, подчеркнуто добродушный Юрченко из первого.

За ними взял слово подполковник запаса Петрик, командир огневой группы поддержки, базирующейся в поселке Новодвор. Потерь за последние сутки у него не было. На боевом дежурстве стояли все подразделения: батарея «Градов», четыре САУ «Акация», два зенитно-ракетных комплекса «Бук». Но боеприпасов оставалось мало, от силы на полчаса активного боя. Подвоз свежего боепитания не осуществлялся уже давно.

В подразделениях Борисова и Юрченко только стрелковое оружие да по несколько наступательных гранат на нос. У Коржина – танки, несколько бронетранспортеров, но он и держит самый ответственный участок фронта, который оголять нельзя. Трофеи, захваченные в Ильичевке, – приятный довесок, да и украм накостыляли неплохо. Но больно уж это смахивает на пиррову победу.

У Светлова погибло больше сотни бойцов – потери тяжелые и невосполнимые. Шестнадцать человек отправлены в госпиталь с осколочными и пулевыми ранениями. Не хватает людей для обороны такого большого города. Шесть с небольшим сотен – капля в море. За последние сутки в ряды ополчения записались двенадцать горожан, все необученные. Если они и служили в армии, то много лет назад.

Для прикрытия протяженных участков фронта приходится использовать мобильные группы на джипах, которые постоянно меняют места дислокации и создают иллюзию мощной оборонительной группировки. Но и с прогулками по фронту дело обстоит не очень-то хорошо. Запасы бензина иссякают. А если учесть взорванное хранилище в Строительном переулке!.. Еще неделя, и нечем будет заправлять тяжелую технику. Придется ее закапывать и использовать в качестве стационарных огневых точек.

Луганские власти обещают прислать подкрепление, поставить горючее, но воз и ныне там. В принципе, оно и понятно. В столице ЛНР тоже ситуация аховая.

– Что поделать, товарищи офицеры, трудна работа террориста, – устало пошутил Шамахин. – Думаю, мы справимся, нужно еще немного потерпеть. Докладывайте, Михаил Васильевич. Как у нас дела на гражданском поприще?

Народный мэр Павленко, мужчина средних лет с лицом, отекившим от усталости, может, и от чего-то еще, энергично раздавил окурочек в пепельнице.

– Похвастаться нечем, Дмитрий Владимирович. – Он говорил осипшим голосом, простыл после падения в канализацию, куда зачем-то полез вместе с ремонтниками. – В городе разрушено больше половины зданий, коммуникации не работают. Вчера бригада электриков подключила микрорайон Горки, а через полчаса в подстанцию попал снаряд и... в общем, там немного выбило пробки, – пошутил Павленко. – Ремонтировать уже нечего, надо новую подстанцию строить. Похоже, работал корректировщик, сообщил украм координаты, и они разнесли объект. Хорошо, что в жилые дома не попали. Это, кстати, становится повсеместной практикой. В городе работают наводчики, сообщают данные об объектах артиллеристам, и те резвятся по полной программе!..

– Стреляли в водовод, а попали в родильный дом, – угрюмо сообщил майор Волошенко. – Наши ребята поймали этого упыря. Приезжий из Ивано-Франковска, косил под грузчика в продуктовом магазине, а с собой таскал карту города, разбитую на квадраты. На ней нанесены все объекты жизнеобеспечения. Его даже допросить не успели – женщины растерзали, забили кирпичами.

– Туда и дорога, – проворчал Павленко. – Продукты в городе кончаются, Дмитрий Владимирович. Работают два магазина на Плановой. Там каждый день огромные очереди. Проплутую гуманитарку давно раздали, новая не предвидится. Газ отключен. После взрыва на рас-

пределительной станции решили отрубить подачу, а то взорвемся всем городом к едрене фене. Канализация не работает, разбомбили очистную на Герцена, и всю улицу залило нечистотами. Колодцы и колонки не справляются, к ним выстраиваются жуткие очереди. Ребята подвозят воду в жилые районы, раздают по двадцать литров на руки, но это почти ничто...

– Сколько людей осталось в городе? – перебил его Шамахин.

– По нашим оценкам, не больше пятнадцати тысяч. Сидят в подвалах, на улицу выходят редко. Каждый день уходит человек по триста. Организовано эвакуировать не всегда получается, не хватает автобусов, да и силовики обстреливают дорогу. Многие прорываются на личном автотранспорте. Каждый день кто-то гибнет, бывает, что целыми семьями. На кладбище уже не хватает мест, похоронные команды не справляются. Могги переполнены, трупы негде хранить. Вчера было восемнадцать покойников. Сегодня уже поступило больше ста сорока. Это ополченцы и мирные жители из Ильичевки, еще пятерых накрыло в маршрутке на Пятницкой улице. Работают несколько команд, составленных из гражданских добровольцев. Мы стараемся оперативно убирать трупы с улиц, чтобы не пошла эпидемия. После каждого обстрела проверяем пострадавшие квартиры на наличие погибших. Есть еще такие несознательные граждане, которые боятся оставлять свои жилища, сидят в них, пока не накроет. Дело снова упирается в проблему бензина. Военные не очень охотно делятся с моими людьми, требуют какие-то справки, ссылаются на отсутствие горючего.

– Понятно, – заявил Шамахин и спросил: – Какова ситуация в ЦРБ?

Михаил Васильевич немного побледнел. Его супруга Марина Владимировна была главным врачом центральной районной больницы, попутно являлась начальником медицинской службы гарнизона.

– Все очень плохо, Дмитрий Владимирович, – пробормотал народный мэр. – Я разговаривал с Машей час назад. Люди в больнице работают на износ, сутками не спят, раненые поступают непрерывно. У подавляющего большинства пулевые и осколочные ранения. Рабочих рук хватает, но нет оборудования, условий. Заканчиваются лекарства – не цитрамоном же людей спасать. Негде укладывать больных. Вы же знаете, что после пожара и прямых попаданий из «Градов» пришлось переносить лечебницу в подвалы. Слава богу, что при СССР там построили просторное бомбоубежище. Туда перетащили кровати, оборудовали палаты, операционные, приемный покой. Но сейчас просто руки опускаются, люди не знают, что им делать. Раненых везут сплошным потоком, почти половина нуждается в ампутации. Нет анальгетиков, проблемы с анестезией. Режут по живому, многие умирают на операционном столе. В больничном морге барахлят холодильные установки, трупы разлагаются. Приходится хоронить в больничном саду, в братских могилах, без согласия родственников. Пока ставим таблички с именами, может, когда-нибудь удастся по-человечески перезахоронить. Очень много детей, сердце кровью обливается, когда это видишь. В городе нет ни одного представителя Красного Креста, ни единого наблюдателя от ОБСЕ. Телевидение Украины трубит, что ополченцы сами расстреливают свои дома и убивают своих же земляков!.. – Павленко обреченно махнул рукой и потупился.

– Что со Светловым?

– Думаю, выживет, Дмитрий Владимирович. Капитан подавлен, на раздражители не реагирует, но умирать не собирается. Пули извлекли, организм здоровый, выкарабкается.

– Ну и слава богу, – сказал Шамахин и вздохнул. – Хорошо, хлопцы, я вас понял. Имеется неплохая новость. Нам на помощь движется из Луганска батальонная тактическая группа майора Худякова. Если прорвутся через Черкасовку, завтра будут здесь. Но у них, сами понимаете, ни жратвы, ни бензина, ни лекарств для нас нет. Тут мы сами должны крутиться. Стоит подумать о диверсионно-разведывательных группах для заброски в ближний тыл противника. Все, за работу, товарищи. Ты в больницу к благоверной, Михаил Васильевич? – Он повернулся к Павленко. – Прокачусь с тобой, если позволишь.

* * *

Две машины проехали по центральному проспекту Победителей, свернули на улицу Житомирскую, где располагалась ЦРБ. Полковник Шамахин мрачно смотрел из окна на разрушенный город. Сумерки уплотнились, но еще не стемнело.

Издали доносились звуки канонады – украинские войска обстреливали северные районы Холмодола. Он, некогда зеленый, цветущий, превратился в город-призрак. В асфальте зияли дыры, водителю приходилось постоянно их объезжать. Многоэтажки смотрели пустыми глазницами окон.

Снаряды залетали в дома, целые куски панелей были выломаны и разбросаны по газонам. Сгоревшие автомобили, разбитые детские площадки, поваленные деревья. Трамвайное полотно проваливалось в воронку от снаряда. Вагон застыл, не доехав до нее пары метров. После пожара остался закопченный остов.

Трупы с улиц действительно убирали. Только рядом с остановкой общественного транспорта Шамахин отметил единственное тело, укрытое одеялом. Наружу торчала босая женская нога с худой лодыжкой.

На остановке стояли несколько человек, чего-то ждали. Автобусы и маршрутки теоретически ходили, но ждать их приходилось часами. Люди равнодушными взглядами провожали машины. Проезжая часть была практически пустой, не считая нескольких грузовиков с военными. С примыкающей улочки робко выехал старенький «ВАЗ» десятой модели, быстро пересек магистраль и скрылся в подворотне на противоположной стороне.

У городского Дворца культуры, который внешне выглядел неповрежденным, возилась ремонтная бригада электриков. Шамахин проводил их глазами. Возможно, не все так плохо, если эти парни в оранжевых жилетах работают.

Водитель аккуратно объехал неразорвавшийся снаряд, воткнувшийся в землю, и через пару минут свернул в Больничный переулок. Здание ЦРБ окружали тополя, поваленные и целые. В восточное крыло несколько дней назад попал реактивный снаряд. Пожарные погасили пламя, но добрая половина здания оказалась разбитой, использовать ее по назначению было невозможно. В целях безопасности персонал и раненых перевели в подвалы, там и оборудовали лазарет.

Местечко было не для слабонервных. Шамахин и Павленко быстро пересекли больничный двор, изрытый воронками, спустились в подвал. Охрана осталась наверху. Юдоль печали и скорби встретила их десятком мертвых тел в пластиковых мешках. Покойников пока складировали рядом с лестницей, чтобы потом захоронить на заднем дворе.

Санитары с серыми лицами вытаскивали из подвала еще одного мертвеца. Они приглушенно ругались. У этой несчастной женщины не было документов, родственники в больнице не навещали. Как прикажете хоронить? Сделать посмертное фото и прикрепить на могилку? Глядишь, когда-нибудь отыщутся близкие?

В больничных подвалах было душно. Под лестницей ругались еще двое в больничных халатах и масках. Когда эти чертовы ремонтники наладят вентиляцию? Невозможно работать!

Под больницей находился целый бункер – вереница забетонированных боксов, связанных ходами. Работало тусклое освещение, остро пахло чем-то сладким. Недостатка в персонале и волонтерах не было. Больница напоминала разбухший муравейник. Сновали неразговорчивые люди с землистыми лицами, кого-то перетаскивали, о чем-то спорили.

Мест в больнице не хватало. Коридоры были забиты ранеными. На койках, надувных матрасах, ворохах тряпья лежали перевязанные люди. Одни стонали, другие находились без сознания.

Надрывный голос отчитывал несознательного больного:

– Тебе удалили половину легкого, дорогой! Не страшно братья за сигарету? Нельзя курить в помещениях больницы. Неважно, что персонал дымит, как большой вулкан. Им можно, у них работа даже нервная!

Над кем-то склонялись медсестры, делали перевязку. Прошли пропыленные ополченцы, которые привезли в больницу товарища. Они неловко отдали честь. Руководителя обороны Холмодола здесь знала каждая собака.

Марина Владимировна Павленко сидела у себя в кабинете, наспех оборудованном боксе, перебирала бумаги и прикладывалась к стакану с жидким чаем. Миловидная женщина средних лет с запавшими карими глазами подняла голову, устало улыбнулась, подставила Павленко щеку для поцелуя, кивнула Шамахину.

– Видно, не судьба нам сегодня, Миша, домой пойти, – сказала она бесцветным голосом. – Ты езжай, ложись. Опять устал, вижу по глазам. А к нам восемнадцать человек сегодня привезли, все тяжелые. Это просто Средневековье какое-то!..

– Вместе поедем, Марина. – Павленко пристроился на стул и попросил жену: – Опиши обстановку командиру, пусть порадуетя.

– Вижу, что работаете, – проворчал Шамахин и обернулся на шум.

Санитары протащили носилки по коридору. Раненый кричал от боли, извивался.

– Доктор сказал – в морг, значит, в морг, – нескладно пошутил Павленко и стусевался, перехватив укоризненный взгляд супруги.

– Работаем, Дмитрий Владимирович, – сказала женщина. – Вы же знаете, у нас единственная больница в городе, еще способная кого-то лечить. Отовсюду везут в ЦРБ – с осколочными, с пулевыми. Сегодня была пара обгоревших, один уже скончался. Сами видите, мы на грани, Дмитрий Владимирович. – В глазах усталой женщины заблестели слезы. – Дело не в том, что устали и работаем в нечеловеческих условиях. К этому привыкли. Нечем лечить, начинает сказываться нехватка квалифицированного персонала. Людей негде складывать, операции проводятся с задержкой, по-другому не получается, слишком большой поток. Все работает на износ. У доктора Камарина случился инсульт на рабочем месте, еле откачали, увезли домой. Савенко поранил руку хирургической пилой. Кончаются перевязочные материалы, да и вообще все...

– Подождите, Марина Владимировна. – Шамахин нахмурился и спросил: – Что с обещанным гуманитарным конвоем из России? Насколько я знаю, Киев дал свое согласие.

– Люди слова! – Марина Владимировна невесело усмехнулась. – Сами дали, сами взяли. Им плевать на наших раненых и все прочие проблемы. Они же уничтожают нас, разве не видите? Чем меньше людей останется на востоке Украины, тем лучше для Киева. Какое им дело до умирающих?

– Но есть же какие-то общечеловеческие нормы. Они же в рот заглядывают Европе!..

– Европа эта сама старательно делает вид, что ничего трагического не происходит, а города с названием Холмодол в природе просто не существует. Вы видели здесь хоть одного представителя ОБСЕ или Красного Креста? Киев сказал, что в Холмодоле зверствуют террористы, и они с радостью поверили. Три дня назад Киев дал согласие на провоз гуманитарного груза по линии МЧС России специально для Холмодола. Груз стоит на границе с Ростовской областью. Это небольшой конвой, украинцы ограничили его численность семью машинами. Все таможенные процедуры пройдены. Таможня тянула, но в результате все оформила. Два реанимобиля, «Газель» для персонала, четыре десятитонных «КамАЗа» с медицинским оборудованием и лекарствами. В конвое несколько хирургов, опытные медсестры. По плану колонна разгружается в Холмодоле и берет на борт самых тяжелых больных. У меня есть список того, что приготовили россияне. – У расстроенной женщины задрожали губы, она повернулась к компьютеру, открыла документ. – Это именно то, что нам жизненно необходимо. Груза в «КамАЗах» нам хватит на несколько месяцев более-менее сносной жизни. Там свежзаморо-

женная плазма, которая незаменима при шоках, травмах, кровопотерях. Есть эритроцитарная масса, альбумин, антистафилококковая плазма – от заражения крови. Фибриноген, гемостатическая губка – для остановки кровотечения. Синтетические кровозаменители – четыре вида, дезинтоксикаторы, препараты для парентерального питания для коматозников. Современные антибиотики – цефотаксим, клафоран. Два «КамАЗа» из четырех загружены медицинским оборудованием. Это аппараты искусственной вентиляции легких и переливания крови, дефибрилляторы, кардиостимуляторы, диализаторы, инфузионные мониторинговые системы и станции, наркотные аппараты, аппаратура, отслеживающая жизненно важные функции. Перевязочные, дезинфицирующие средства, стерильные материалы для операционной, лекарства, разовые шприцы, хирургический инструмент, пластиковые системы для переливания крови. – Женщина тяжело вздохнула, закрыла документ и продолжила: – Здесь езды не больше трех часов. Конвой готов отправиться в любую минуту. Но сегодня утром Киев отменил свое решение, заявил, что конвой под видом водителей перевозит террористов. Дескать, все это напоминает циничное вмешательство в дела суверенного государства. Мол, у Киева достаточно сил и средств, чтобы самому справиться с гуманитарной катастрофой в Холмоделе.

– Вот сволочи! – ругнулся Павленко. – Они же понимают, что по их вине погибнут люди.

– На это им глубоко и искренне плевать, – со вздохом резюмировала его жена. – Российские дипломаты и гуманитарные организации продолжают работу, но шансов мало. Отправиться самовольно колонна не может. Головорезы Бутко ее остановят, груз разграбят, сопровождающих... в лучшем случае пленят. Нужно принципиальное согласие Киева, а его нет и, видимо, уже не будет. Препараты не могут храниться вечно. Многие из них – та же плазма, эритроцитарная масса – сохраняются только при минусовой температуре. Боюсь, Дмитрий Владимирович, нам придется обходиться тем, что мы имеем. Значит, люди будут гибнуть, не получая лечения...

В помещение заглянула девушка с лицом землистого цвета, в больничной шапочке и сказала:

– Марина Владимировна, вас срочно зовет Бурлацкий. Он не знает, что делать. Вышел из строя последний дыхательный мешок.

– Вот видите! – Женщина всплеснула руками, поднялась со стула и выбежала в коридор, бросив через плечо: – И что теперь прикажете делать? Гармошки использовать?

Мужчины мрачно смотрели ей вслед. Шамахин машинально достал сигарету, сунул в рот, но передумал прикуривать, встретив хмурый взгляд народного мэра. Он задумчиво жевал фильтр, смотрел под ноги. За стеной жалобно стонала женщина. В этих звуках было столько муки, что руководителю обороны города хотелось заткнуть уши и провалиться еще глубже под землю.

– Будем молиться, Михаил Васильевич, – сунув сигарету обратно в пачку, подытожил Шамахин. – Делать больше нечего. Глядишь, поможет.

– Поздно молиться, Дмитрий Владимирович, – отмахнулся Павленко. – Будем работать, пока еще можно что-то сделать...

Он напрягся, когда вздрогнула земля над головой и с потолка посыпались остатки штукатурки. Снова начинался обстрел. Украинские артиллеристы поужинали. За первым взрывом прозвучали еще два, немного в стороне. Привыкнуть к этому было невозможно. У людей всякий раз сжималось сердце.

В тот же вечер, перед закатом, четыреста пятьдесят километров на запад

В лазоревом небе не было ни облачка. Солнце клонилось к закату, но дневная жара еще не спала. Белокаменную виллу, украшенную башенками в неоготическом стиле и сложным лепным орнаментом, окружал трехметровый каменный забор. Его окрестности контролировались «всевидящим оком».

Территория поместья, расположенного под городом Днепровском, утопала в цветах. Прихотливые клумбы и островки декоративного кустарника прочерчивали дорожки, вымощенные цветным камнем. Вода в бассейне, выложенном голубым кафелем, переливалась и играла. По ней мельтешили острые пологие лучики солнца.

Грузный коренастый мужчина с породистым мясистым лицом перевернулся на живот, утопая в воде точно в перине, ленивыми гребками поволок тяжелое тело на середину бассейна. Фигуристая нимфа в голубом купальнике красиво нырнула. Когда она оказалась на поверхности, дядечка хищно оскалится и набросился на нее.

Девушка захохотала, забила руками по воде и завопила:

– Виктор Степанович, не надо, утопите же!

Смеялись оба. Хозяин любил так вот поразвлечься. Он схватил девушку за плечи и погрузил ее в воду. Когда она, отфыркиваясь, вынырнула, мужик не стал измываться дальше, оттянул резинку стрингов и резко отпустил. Нимфа отзывчиво взвизгнула и обрела свободу. Купальщица сделала кружок вокруг дядечки, наблюдающего за ней, доплыла до лесенки, выбралась из бассейна и призывно посмотрела на хозяина.

Тот с сожалением покачал головой и заявил:

– Иди, милая, иди, не до тебя. Может, попозже... – У мужчины был густой бархатистый голос.

Девушка пожалала плечами и зашагала по дорожке, ведущей к дому. При этом она так виляла бедрами, что замолчали даже птицы, только что певшие наперебой в зарослях кустарниковой мимозы.

Мужчина проводил ее глазами, манерно вздохнул, подплыл к хромированным перилам, подтянул сползшие плавки и тоже стал выбираться из бассейна. К пятидесяти пяти годам Виктор Степанович Грабовский – несокрушимый олигарх, губернатор Днепровской области – еще держал себя в приличной форме. Тяжеловатый, грузный, но мускулы производили впечатление, да и живот не сильно выпирал. Каждый день он проводил по полчаса в спортзале, плавал в бассейне, любил обливаться холодной водой. Опять же регулярные занятия сексом!..

Он покосился на еще одну даму, присутствующую здесь. Ей было за тридцать. Стройная особа с заколотыми волосами и сосредоточенным миловидным лицом сидела в шезлонге под цветущим кустарником и иронично смотрела на Виктора Степановича. Женщину звали Тина Корш. Последние три года она была бессменным секретарем олигарха. Он доверял ей как самому себе и частенько доказывал это в роскошной спальне бельэтажа.

Метрах в пятнадцати от бассейна за столом под грибочком сидел еще один субъект в очках и расстегнутой белоснежной сорочке. Он увлеченно бегал глазами по экрану ноутбука, по которому ползли какие-то таблицы и диаграммы, и, казалось, не обращал никакого внимания на все остальное. Мужчину звали Анатолий Минько. Этот выпускник Гарварда, блестящий бизнес-аналитик был правой рукой Грабовского в коммерческих делах. Всякий раз, когда ситуация на финансовых рынках переставала устраивать Виктора Степановича, он предпочитал держать этого парня поблизости.

– Что?.. – Грабовский раздраженно покосился на Тину, плюхнулся в шезлонг и принялся вытираться махровым полотенцем.

Тина продолжала посматривать на него с явной иронией, потом покачала головой и сказала:

– Ничего, Виктор Степанович.

В те моменты, когда Грабовский уделял внимание другим женщинам, она буквально сочилась сарказмом.

– У вас такое лицо, Виктор Степанович, словно вы съели банку сгущенки. Эта уродина еще не снится вам в кошмарных эротических снах? – Тина покосилась на дорожку, за изгибами которой исчезла прелестница в голубом купальнике.

– Да ладно, Тинушка, не грузись, это так, чисто поржать. – Виктор Степанович растекся по шезлонгу, закрыл глаза, ловя последние лучики заходящего солнца.

Он не сдержался и хохотнул. Эта самая уродина в прошлом месяце выиграла конкурс красоты в Полтавской области. Он вырвал эту куклу из пищевода начальника тамошнего УВД и пока не определился, что с ней делать. Выбросить? Жениться? Ему очень хотелось верить, что в один прекрасный день Тина не накормит ее стрихнином.

Анатолий с довольным видом крикнул, ударил по клавише «Enter» и откинулся на стуле. Виктор Степанович с любопытством покосился в его сторону. Чем больше у Минько поводов для радости, тем краше жизнь у Виктора Степановича.

– Что, ботаник, сегодня еще не разоримся? – спросил Грабовский.

Ответить помощник не успел.

– Виктор Степанович, к вам Маслак и Лыщук! – раздался из кустов голос начальника охраны Кайгородского. – Прикажете пропустить?

– Боже, опять!.. – манерно взмолился Виктор Степанович. – Почему именно сегодня? Когда же какие-нибудь умники наконец-то изобретут жизнь без стресса? Ладно, зови их. Послушаем, что у людей наболело.

Он с криком поднялся, завернулся в полотенце, погрузился обратно в шезлонг и с немалым расстройством уставился на сумку-холодильник, стоящую у края бассейна. Пару минут назад ее принесла прислуга. Вставать ему категорически не хотелось, но пару глотков пива он сейчас сделал бы с удовольствием. Секретарша Тина перехватила его взгляд, что-то проворчала, встала с шезлонга и принесла хозяину сумку, чтобы сам выбрал подходящее.

– Спасибо, дорогая! – Грабовский оскалился, удаляя сильными пальцами крышку с бутылки. – Ты знаешь, что у тебя умопомрачительная походка?

– Знаю. – Тина кивнула и удалилась на прежнее место.

У этой женщины была идеальная память. Ей не нужен был компьютер или карандаш, чтобы что-то стенографировать. Виктор Степанович знал, что она запомнит все нюансы беседы.

Приблизились двое скромных господ в камуфляже без знаков различия. Первый был невысок, хотя и в годах, внешне спокоен. На его нижней челюсти выделялся глубокий шрам. Второму не мешало бы похудеть и вылечить нервную систему. Он сильно потел и смотрел на хозяина с собачьим подбострастием, разве что хвостом не вилял. Его спутник внешне казался невозмутимым, но поза выдавала его напряженность. Он тоже был не в своей тарелке.

Первого звали Маслак Георгий Данилович. Этот опытный военный, генерал-майор запаса, прежде был командиром мотострелковой дивизии. Он откликнулся на позывной «Управдом», курировал батальон «Дайнар», служил передаточным звеном между Грабовским и его детищем. Второй – полковник Лыщук Владимир Лукьянович – занимал должность командира сводной бригады, в которую входил и батальон «Дайнар».

Приятные новости на сегодняшний день, похоже, не планировались. Грабовский поскучнел, снисходительно кивнул на свободные шезлонги. Мол, так и быть, садитесь, коли пришли.

Куратор Маслак присел на краешек, комбриг Лыщук решил этого не делать. Несколько минут он сбивчиво докладывал хозяину об обстановке вокруг Холмодола. Героическая укра-

инская армия заняла Ильичевку, но под натиском превосходящих сил боевиков снова откатилась, нанеся при этом террористам невосполнимые потери. Замкнуть кольцо вокруг Холмодола опять не удалось, несмотря на пятикратное преимущество украинских войск. Упрямые боевики продолжают держаться и наносить ответные удары.

Невзирая на пафос, Владимир Лукьянович не врал. Это запрещалось категорически. Уличит хозяин во лжи – кара будет страшной. Как любил говаривать Виктор Степанович, «вот тут-то, ребята, я и поделюсь с вами своим плохим настроением». Данные о потерях и расстановке сил, прозвучавшие из уст комбрига, вполне отражали реальное положение.

Лыщук закончил и замолчал. Куратор в звании генерал-майора тоже деликатно помалкивал. Застыла Тина в шезлонге под кустом, потупила волоокый взор. Анатолий Минько, который все прекрасно слышал, опустил голову, застучал по клавишам.

Виктор Степанович раздраженно заскрипел зубами. Такой хороший был день, и вот нате вам!..

– Считайте, что я в полном восторге, Владимир Лукьянович и Георгий Данилович! – сказал он тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Потрясающе! Я вижу в вас столько энтузиазма и боевого духа... – Он провалился в задумчивость и покосился на Тину.

Как сказала бы эта язва: «Серое вещество Виктора Степановича вырабатывает черные мысли». Но в данную минуту Тина была скромна и, судя по глазам, полностью пребывала на стороне шефа. Попробовала бы только!..

Комбриг Лыщук обильно потел, кусал губы. Человек он был неглупый, понимал, что обещания не играют роли. Виктору Степановичу требовались результаты. Генерал-майор Маслак чувствовал себя спокойнее. Его ответственность в данном случае была не такой серьезной.

– Хлопцы, я давал вам два дня на взятие Холмодола, – процедил Грабовский. – Вы снова облажались по полной программе. Понимаете, сколько я денег выбрасываю каждый день на ветер? Знаете, сколько стоит в сутки содержание нормального солдата? И вы еще прилетели сюда, как только вам надавали под зад!.. Кстати, не за мой ли счет сделан этот рейс?

– Виктор Степанович, вы требовали докладывать лично, – заявил комбриг. – Сами говорили, что не должно быть никаких курьеров, электронных сообщений, скайпов...

– Господи, как мне надоели эти голубые в желтом доме! – простонал Грабовский. – Почему я вечно должен разгребать ваши косяки? Что уставился, Георгий Данилович? – Он впился в куратора свирепым взглядом. – Думаешь, я намекаю на твой любимый желто-блакитный флаг? Правильно, намекаю. Плевать я хотел на твой флаг, если под ним воюют бездари, не умеющие считать чужую копейку! Вы еще не поняли, что мне нужен Луганск? Вы совсем кретины?! – Виктор Степанович перехватил осуждающий взгляд Тины, дескать, не к лицу такому значительному человеку!..

Он взял себя в руки, успокоился, отхлебнул из бутылки и продолжил:

– Вы понимаете, что скоро это ничтожество, по недоразумению занявшее пост президента, пойдет на поводу у других таких же существ из Евросоюза и прекратит военные действия? Эти твари, сидящие в Киеве, уже склоняются к мирному решению. Они вот-вот объявят позорное прекращение огня и отведут войска, чему очень обрадуется Россия! Вы понимаете, что мы безвозвратно утратим два лакомых куска нашей территории и никогда не вернем их обратно? Мы потеряем миллиарды! Оккупированные земли наводнят «зеленые человечки», и мы уже не только танки, но и почтальона туда не отправим! Все решится в ближайшие дни. Если будет поражение или хотя бы топтание на месте, то предатели в Киеве пойдут на попятную! Нельзя прекращать войну, нужна победа, как минимум – значительный успех, способный поменять соотношение сил! Уму непостижимо, почему вы до сих пор никак не можете справиться с этой бандой! Ладно, наши СМИ трещат о русских войсках на Украине, но мы-то с вами информированные люди – знаем, что на Украине таковых нет. Есть добровольцы, наемники, казаки, чеченцы, российские офицеры – но это не регулярная армия! Против нас

действует сборная солянка, не имеющая единого руководства! Ладно, наше войско тоже не блещет, особенно благодаря отдельным так называемым командирам, но у него огромная огневая мощь! Где она? Стирайте города с лица земли, уничтожайте террористов и их пособников. Вам же никто не запрещает этого делать! Европа смотрит сквозь пальцы, дарует карт-бланш. А на то, что вякает Россия, плюйте с высокого утеса! У вас такое количество снарядов, какого нет ни в одной армии мира, включая российскую! Чем вы занимаетесь? Дровосеки, блин!.. – Грабовский снова приложился к пенному напитку, немного успокоился и продолжил: – Кто там у них за атамана? Шамахин? Так ликвидируйте его. В чем проблема?

– Пытались, Виктор Степанович, – подал голос Маслак. – Две диверсионные группы уже уничтожены. У Шамахина толковая охрана, в ней спецы из России. Он сам бывший российский офицер, грамотный военный. К нему не подобраться. Да и что толку? Думаете, не найдется преемника?

– Да мне плевать! – заявил олигарх. – Думайте, ищите выход. Не прекращайте обстрелы и наступление. Помните, хлопцы, что вы у меня на карандаше. Вводите резервы, не солить же их!

– Резервов нет, Виктор Степанович, – заявил комбриг Лыщук и опять побледнел. – Все силы находятся в бою. Холмодол непрерывно обстреливается. Вертолеты «Ми-24» авиагруппы Бутейко используются на полную мощность, но уже вырабатывают свой ресурс...

– И что, ради вас я должен устраивать четвертую волну мобилизации? – спросил Грабовский и грозно прищурился. – Не проблема, хлопцы, будет вам пушечное мясо. Георгий Данилович, вот ты вроде не дурак, – обратился олигарх к напрягшемуся куратору. – Пошевели извилинами, должно же быть у Шамахина и его людей какое-то слабое место.

– Он спрятал свою семью где-то в России, – проворчал куратор «Дайнара». – Этот вопрос мы уже пытались решить. Шамахин вывез жену и детей из Пензы, теперь они находятся в неустановленном месте. К сожалению, у нас нет нормальной агентуры на территории России...

– У вас ее и здесь нет, – отрезал Грабовский. – Что еще?

– У них большие потери, – быстро сказал Лыщук. – В том числе среди гражданского населения. Огромное количество раненых. Их свозят в центральную районную больницу Холмодола, пытаются оперировать и лечить. Другие медицинские учреждения фактически закрыты или уничтожены. У них нет лекарств, проблемы с персоналом, высокая смертность среди раненых – даже хоронить негде!

– И что, я должен их пожалеть? – с прищуром осведомился Грабовский. – Увы, мои дорогие, мы не можем обложить Холмодол и месяцами ждать, пока эти твари сами вымрут. Смотри выше, как говорится. Два дня, уважаемые Георгий Данилович и Владимир Лукьянович, причем самые последние! Если за это время ситуация не изменится кардинальным образом, то последуют весьма интересные оргвыводы. Что примолкли, хлопцы? Вопросов, возражений и уточнений нет?

– Про российский конвой была какая-то информация, – подала голос Тина. – Бандиты, засевшие в Холмодоле, просили Россию оказать им медицинскую помощь. Те собрали колонну из нескольких грузовиков и микроавтобусов, набили ее лекарствами, оборудованием, но что-то там не срослось.

– Было дело, – подтвердил Маслак. – Российский МИД обратился к Киеву, чтобы разрешили проход колонны в Холмодол – отвезти лекарства и забрать тяжелых раненых в Россию. Киев вроде согласился, русские засуетились, быстро собрали груз, снарядили медиков. Там несколько «КамАЗов» и пара микроавтобусов. Подогнали колонну к пропускному пункту, таможенники с обеих сторон отработали быстро. В колонне все чисто, только лекарства и аппаратура. Еще сопровождающих человек двадцать. А потом наш МИД вдруг передумал и отказал русским под пустяковым предлогом. Москва нажимает, а Киев ни в какую – дескать, не пустим оккупантов на родную землю. Насколько я знаю, колонна до сих пор стоит на границе, в Изварцево. Назад ее пока не отправляли.

– Да и шут с ними, – отмахнулся Грабовский. – Нечего потакать террористам, обойдутся без лекарств. Сами виноваты.

И вдруг с Виктором Степановичем что-то произошло. Он резко замолчал, погрузился в раздумья, сделал попытку отпить из бутылки и даже не заметил, что она пуста. Глаза олигарха загорелись. Он начал усердно мять и комкать окладистую бородку, потом пружинисто поднялся и принялся мерить шагами возвышение у бассейна.

Остальные тоже не решались заговорить. Комбриг и куратор озадаченно переглянулись, пожали плечами. В глазах у Тины тоже заблестел интерес. У этой женщины имелась такая особенность, она могла мыслить в одном русле с шефом. Даже Минько, утонувший в диаграммах, почувствовал что-то необычное, поднял голову и смерил моргающим взглядом всех присутствующих.

– Я вот чему всегда удивляюсь, господа хорошие, – вкрадчивым голосом произнес Грабовский. – Почему элементарная идея приходит в голову не вам, а мне? Карту, Владимир Лукьянович! Живо, комбриг хренов! Что глазами моргаешь? Неужто я с тобой на английском языке разговариваю?

Лыщук спохватился, выудил планшет из заплечной сумки, с готовностью подбежал к хозяину. Несколько минут Виктор Степанович увлеченно разглядывал карту местности, слушал подчиненного. Потом он щелкнул пальцами Тине, и та быстро принесла очки.

– Конвой находится здесь, Виктор Степанович. – Лыщук ткнул пальцем. – По прямой до Холмодела восемьдесят километров, но, учитывая изгибы трассы, больше ста. Другой дороги от Изварцева здесь нет. Она идет через Племенное и Осинники. В окрестностях много болот...

– Значит, там низина, – задумчиво пробормотал Грабовский. – А ну признайся как на духу, Георгий Данилович, сможешь в нужный час устроить в указанном районе зону радиомолчания? Радиус небольшой – метров сто.

– Без проблем, Виктор Степанович, – сказал Маслак. – Поставим глушилки в лесу. Кажется, я понимаю вашу мысль.

– Ну и слава богу, – с усмешкой сказал Грабовский. – Все же я объясню. Возможно, кто-то недостаточно вник. – Он выразительно глянул на комбрига, и тот покрылся розовым цветом. – Сегодня вечером я договариваюсь с Киевом, там меня послушают. Российской колонне разрешат войти в Холмодол. Думаю, русские терять время не будут, и колонна выступит из Изварцева без промедления. Вооруженных сопровождающих быть не должно, только водители и медицинский персонал. – Олигарх ткнул пальцем в экран. – За Осинниками вы обязаны устроить засаду. Подберите подходящее место. Здесь же обеспечить зону радиомолчания. Никакого сигнала SOS из этого района поступить не должно. Георгий Данилович, ты подготовишь группу спецназа. Возьми нормальных, толковых парней, четко понимающих задачу. Захват колонны провести так, чтобы опомниться не успели. Желательно без трупов. В запасе будет несколько минут, чтобы враг не почувствовал подвоха. Перегружать ничего не надо. Это бессмысленная потеря времени. Машины заминировать, заранее подготовить группу взрывников, знающих, что им придется делать. Людей, сопровождающих колонну, под конвоем отправить в «Дубравушку». Потом разберемся, как с ними быть. Посадить на «КамАЗы» своих водителей. Наверстать в пути потерянное время. Водителям связаться с Холмоделом – дескать, едем. В указанное время колонна с фанфарами и российскими флагами должна прибыть на блокпост, расположенный на высоте у щебеночного завода. – Грабовский снова ткнул пальцем. – Это основной, хорошо укрепленный пост на въезде в город. Овладение им обеспечит успех дальнейшего наступления. Поправьте меня, если это не так. – Грабовский сделал паузу. – Дороги от него разбегаются лучами. Захватив эту точку, можно взять Холмодол за час.

– Вы правы, Виктор Степанович, – согласился Маслак. – Это основная господствующая высота. Тот, у кого она находится, владеет инициативой. Мы уже месяц не можем ее взять. Блокпост укреплен, там находятся основные силы террористов.

– Вот именно, – заявил Грабовский. – Проинструктируйте водителей, чтобы поставили машины именно так, как нужно. Людям объясните, что назад их заберет другой транспорт.

Все присутствующие понятиливо помалкивали. Им без слов было ясно, что водителями придется пожертвовать. Когда машины встанут на блокпосту, взрывчатка будет подорвана дистанционно. Все в порядке, победителей не судят. А совесть – термин не профессиональный.

– Взрывника замаскируйте и посадите в поле, чтобы все видел. В лесу перед щебеночным заводом сконцентрируйте штурмовые роты. За ночь передислоцируйте их туда. Как рванет – все на штурм! Я нормально объясняю, дорогие мои военачальники?

– Это гениально, Виктор Степанович! – заявил Лыщук.

– Ну да, я гений, – согласился олигарх. – Особенно если учесть, что вокруг меня одни остолопы. Колонна должна перейти границу рано утром. У вас в запасе ночь, господа военные. Подобрать место для засады, скомплектовать и проинструктировать группу, обеспечить минеров и оцепление. Надеюсь, не так уж и сложно справиться, когда вам все разжевали? Моя задача – договориться с Киевом. Тут, я думаю, препятствий не будет. Работайте тщательно, господа офицеры, и чтобы к обеду Холмодол был наш. Нависнем над Луганском, и тогда бандитов ничто не спасет. Не будет никакого мирного решения проблемы. Чего сидишь, Георгий Данилович? Неужто уже всех победил? – язвительно бросил Грабовский Маслаку. – За работу! И не возвращайтесь, пока не закроете проблему.

Он пристально посмотрел вслед военным, торопливо уходящим прочь, укоризненно покачал головой, глянул на Тину и спросил:

– Ты не знаешь, дорогая, почему я должен заниматься этой ерундой?

– Bravo, Виктор Степанович, вы были в ударе. – Секретарша изобразила сдержанные аплодисменты. – Без шуток, за такую вот идею я вас уважаю еще больше. Теперь главное, чтобы эти неумехи ничего не напутали. Кстати, не боитесь международного скандала? Если Киев разрешит провоз гуманитарной помощи, значит, он должен будет следить за безопасностью конвоя.

– Для Киева это будет приятной неожиданностью, – сказал Грабовский, усмехнулся, опустил в шезлонг и извлек из сумки запотевшую бутылку. – Не волнуйся, дорогая, все в порядке, на конвой нападут неуставленные вооруженные лица, имя которым – российские десантники, заблудившиеся на украинской территории. Провокация России, понимаешь? Мы же не будем лить горькие слезы о судьбе несчастных раненых и больных в Холмодоле, которые останутся без квалифицированной медицинской помощи?

– Думаю, не будем, – согласилась Тина и пожала плечами. – Нет там никаких несчастных местных жителей. Российская пропаганда. Украинская армия не бомбит мирные города и деревни. Это делают исключительно террористы. Европа подтвердит, если что.

– Вот и умница. – Виктор Степанович расплылся в добродушной улыбке, с хрустом потянулся и обратил барский взор на помощника по бизнесу.

Тот отодвинул компьютер, робко улыбнулся и сказал:

– Все в порядке, Виктор Степанович. Есть небольшие проблемы с ликвидностью акций «Укрчермета», но это решаемо. Вы ничего не приобретете, но и не потеряете. Для текущей ситуации это скорее плюс, чем минус. Но я не могу провести операцию без вашего согласия. Вам придется вникнуть в ситуацию.

– Ладно, Анатолий, пойдем работать в дом. Надоела уже эта жара! – Виктор Степанович закинул полотенце на плечо, побрел по дорожке, сделал небрежный повелительный жест и заявил: – Учти, Анатолий, если я потеряю что-то еще, как в Москве и в Крыму, то это уже будет на твоей совести. Ладно, не напрягайся, шутит твой добрый барин.

Глава 3

- Разрешите, товарищ генерал-майор?
- Входи, Владимир Иванович, присаживайся.

В кабинете царил полумрак. Шторы были плотно задернуты. Генерал-майор Волков не любил, когда взошедшее солнце светило ему в лицо, а единственное окно в кабинете выходило четко на восток. Он закончил телефонный разговор, откинулся в кресле, угрюмый, невыспавшийся. В кабинете приглушенно гудел вентилятор. Полковник Гуревич, подтянутый мужчина слегка за сорок, помялся, сел на краешек стула.

– Докладывай, Владимир Иванович. – Генерал-майор пристально посмотрел ему в глаза. Он видел, что его заместитель был напряжен. Вряд ли утро начиналось с хороших известий.

– Боюсь, у нас чрезвычайная ситуация, Александр Сергеевич. Могу ошибаться, но что-то здесь не так. Сейчас десять утра. Колонна с грузом для Холмодела уже два часа находится в пути. Скорость передвижения – примерно сорок километров в час. Дорожное покрытие не очень качественное, приходится преодолевать воронки. Примерно десять минут назад оборвалась связь. В колонне не работают рации и сотовые телефоны. Нестеров связался с нами по спутниковой станции – она имеется только у него. Дмитрий Алексеевич встревожен, ему показалось странным, что пропала связь. У меня такое ощущение, что колонна вошла в зону радиопомех. Они проехали Осинники, в данный момент пересекают заболоченную низину, в которой нет населенных пунктов. Чрезвычайных происшествий не было. Колесо реанимобиля напоролось на осколок, но ребята быстро поставили запаску. Несколько минут назад мы снова пытались связаться с конвоем, но из этого опять ничего не вышло. Не ответил даже спутниковый телефон Нестерова. Возможно, он вышел из зоны действия спутника, но это маловероятно. Что-то не в порядке, Александр Сергеевич. Не в подвале же они сидят!

- Вызывайте, Владимир Иванович, постоянно пытайтесь связаться.
- Мои люди это делают, Александр Сергеевич.
- Что, по-твоему, это может быть, полковник?

– Прорабатываем все варианты. Низина, магнитные помехи естественного происхождения. Но в этом случае связь просто прерывалась бы, была бы неустойчивой, не говоря уж о спутниковом телефоне. Знаете, Александр Сергеевич, мне еще вчера вот что показалось странным. Поначалу Киев решительно отверг нашу помощь людям, пострадавшим в Холмоделе, а потом вдруг разрешил доставку груза, лишь поставил условие, чтобы никакого оружия и охраны.

– Киеву не привыкать действовать нелогично, – сказал Волков и пожал плечами. – С такой-то дурью, которая сидит в головах у тамошних властителей!..

– И все равно это странно, Александр Сергеевич. Не думаю, что у них вдруг резко проснулась жалость к пострадавшим. Влияние Евросоюза тоже сомнительно. В Холмоделе не работают представители гуманитарных организаций. Киев убедил их в том, что там уничтожаются только террористы, причем высокоточным оружием. Мирные жители при этом не страдают.

- Предполагаете банальный грабеж?
- В кармане у Гуревича завибрировал телефон.
- Позвольте, Александр Сергеевич?

– Да, конечно. – Несколько мгновений полковник молча слушал, потом отключился и доложил: – Восстановилась связь с колонной, товарищ генерал-майор. Конвой продолжает движение. Похоже, помехи были вызваны естественными причинами. Связь по-прежнему неустойчивая, слышно очень плохо, но звонил вроде бы Нестеров.

- Вот видишь, все в порядке, – проговорил Александр Сергеевич и расслабился. В дверь постучали.

– Разрешите, товарищ генерал-майор? Это важно. – В кабинет вошел еще один заместитель Волкова – майор Кошелев, приземистый, стриженный под бобрлик.

Он не стал садиться, сразу перешел к делу:

– Чрезвычайная ситуация, Александр Сергеевич, нужно реагировать! Стечение обстоятельств, поздно получена информация. Поступил доклад от Призрака – это наш агент, работает под прикрытием у Грабовского. Ранее сообщить он не мог, использовать открытые источники запрещено, у олигарха все прослушивается. Весь вечер и ночь наш человек был вынужден находиться на вилле Грабовского в Жемчужном, это в пятнадцати километрах от Днепровска. Спутниковый телефон находится в тайнике по месту проживания. Агент только утром смог вырваться с виллы. В противном случае его раскрыли бы. Надеюсь, ситуацию еще можно исправить. Киев дал согласие на доставку груза под давлением Грабовского. Он не благодетель, Александр Сергеевич. Батальон «Дайнар» финансируется Грабовским. Этот господин меньше всего заинтересован в мирном решении конфликта, ему необходимо взять Холмодол в кратчайшие сроки. По плану Грабовского группа спецназа захватывает колонну, используя постановщик помех. Меняются водители, груз минируется, все доставляется на блокпост у Холмодола, вблизи щебеночного завода. Грузовики подрываются на позициях ополчения, немедленно начинается атака штурмовых групп, и все. Холмодолу долго не продержаться. Водители, врачи, медсестры из группы Нестерова должны быть захвачены и доставлены в заброшенный оздоровительный лагерь «Дубравушка» – это под Днепровском. Хочется верить, что к ним не будут применять насилие.

– Коварно, ничего не скажешь, – сказал Гуревич и презрительно фыркнул. – А что? Если у Грабовского все выгорит – кто с него спросит? Победителей не судят. Цивилизованная Европа даже не почешется.

– Подожди, Владимир Иванович. – Генерал-майор нахмурился и продолжил: – Но ведь связь с колонной восстановилась несколько минут назад. Машины следуют установленным курсом.

– Видимо, Нестерова заставили так сказать, или же говорил кто-то другой. Слышимость была отвратительной. Александр Сергеевич, я уверен, колонна уже захвачена, в кузовах взрывчатка. Машины взлетят на воздух, как только встанут на блокпосту. Им ехать от Осинников не больше часа. С заложниками тоже проблема. Пока их просто изолируют, но если Грабовский решит выдать захват за провокацию российских диверсантов, то они не нужны будут ему живыми. А там два десятка людей, много женщин.

– Срочно исправлять ситуацию! – Генерал-майор в возбуждении поднялся, заходил по кабинету. – Геннадий Викторович, тебе связаться с Шамахиным, объяснить ситуацию, пусть ищет выход. Надеюсь, его люди достойно встретят этот самый конвой. Не забывай, что время работает против нас. Владимир Иванович, тебе достается задача посложнее. Захваченный персонал МЧС надо вытаскивать. Грабовский просто так их не выпустит. Подготовить спецназ, группу «Кама», для заброски в тыл неприятеля. Выяснить, что такое «Дубравушка». Не думаю, что это логово Грабовского, не будет он так светиться. Проработать пути подхода. Никаких демонстративных захватов и российской символики. Мы не находимся в состоянии войны с Украиной. Забывать об этом никак нельзя. Выясните, где лучше перейти границу. Украинская униформа, вертолет с соответствующей символикой или другой транспорт, уместный по ситуации. Надо хорошенько продумать, как доставить бойцов и освобожденных заложников на российскую территорию.

– В случае провала будет скандал, Александр Сергеевич, – заметил Гуревич. – Нам как раз остро не хватает нового пакета санкций.

– Грабовский тоже действует не очень чисто, – сказал генерал-майор и усмехнулся. – Он же формально не бандит, а высокое должностное лицо, значит, не должен препятствовать транспортировке разрешенного и оформленного груза. Думаю, мы сможем доказать, что это

его работа. По-моему, Грабовскому скандал не нужен. Решим проблему путем взаимозачетов, как говорится.

Получасом ранее

– Чертовщина какая-то, Дмитрий Алексеевич, – сообщил водитель Ильин, возвращаясь в кабину десятитонника и садясь за руль. – Связь действительно отсутствует во всей колонне. В эфире только треск, сотовые не работают. Мужики в недоумении. Что делать будем?

– Поехали, Андрей! – Старший конвоя Дмитрий Алексеевич Нестеров, мужчина средних лет с жидкими светлыми волосами, повернул голову к зеркалу заднего вида.

Колонна остановилась. В ее состав входили четыре большегрузных «КамАЗа», увенчанные флажками Российской Федерации, два реанимобиля, «Газель» с медсестрами и резервными водителями. Спрыгнул с подножки Серега Беляк, сунул в зубы сигарету, прикурил. Из «Газели» высунулась медсестра Людочка Гришина, повертела головой, огляделась и спряталась.

Дорога пролежала по низинной местности. Вдоль обочин возвышались темные леса. В открытое окно проникал гнилостный запах. Возможно, рядом находилось торфяное болото. Дорожное покрытие на этой трассе не меняли лет сорок, асфальт потрескался, зиял дырами.

Пятнадцать минут назад конвой проехал Осинники, крохотный городок, контролируемый непонятно кем. К колонне пытался пристроиться джип с мужиками в камуфляже, но быстро отстал. Видимо, эти люди получили категорический приказ. Особых эмоций при прохождении колонны у местных жителей не возникло. Люди прятались по домам, только собаки бросались под колеса. С тех пор навстречу конвою не прошло ни одной машины, качество дороги ухудшилось, но навигатор извещал, что нужно ехать именно здесь.

С погружением в низину у Нестерова усилилось чувство тревоги. Когда пропала связь, он принял решение остановить колонну.

– Думаете, все в порядке, Дмитрий Алексеевич? – поинтересовался Ильин, спуская десятитонную махину со стояночного тормоза. – Может, тут породы какие-нибудь залегают или лешие балуются?

– Может, и лешие здесь залегают, и породы балуются, – задумчиво пробормотал Нестеров, поедая глазами опушки, заросшие кустарником. Странное какое-то место.

Тронулся головной «КамАЗ», за ним двинулись остальные транспортные средства. Никто им не препятствовал. Округа казалась безлюдной, но беспокойство в душе Нестерова нарастало. У него возникло такое ощущение, что на колонну опустился прозрачный непроницаемый колпак, который двигался вместе с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.